

Сравнительная характеристика цыганских диалектов / говоров балтийской языковой семьи цыган (ромов)

Калинин В.И.

Лондон (Великобритания)

В лингвистической литературе по изучению языка балтийской цыганской (ромской) языковой семьи отсутствуют работы по цыганским диалектам / говорам данной языковой группы, в особенности диалектам Латвии, Эстонии и Польши. В статье подробно представлены специфические отличия диалектов и говоров, которые не были отражены в литературе и могут вызвать затруднения у ученых.

Цель исследования — определение наиболее типичных и важных точек дивергенции диалектов внутри балтийской цыганской (ромской) языковой семьи.

Материал и методы. Материалом послужили полевые записи и наблюдения, имеющиеся публикации, их описание, сравнение и итоговый анализ.

Результаты и их обсуждение. Описание и исследование выделенных моментов дальнейшего расхождения балтийских цыганских диалектов показало, что современная политическая ситуация между ЕС с одной стороны и Беларусью и Россией с другой стороны способствует этому лингвистическому расхождению и усугубляет проблемы обычного общения внутри балтийской цыганской (ромской) языковой семьи.

Заключение. В связи с установлением государственных границ между Европейским союзом (Литва, Латвия и Эстония) и Беларусью, Россией прекращение изучения русского языка в странах Балтии заметно ускорило процесс дивергенции между близкими и даже тождественными диалектами внутри балтийской цыганской (ромской) языковой семьи.

Ключевые слова: балтийские цыгане, роды / кланы / титулы, фонетика, лексические этические различия, инфинитив, грамматическая дивергенция, санскритско-индуистские особенности, соплеменники из Уэльса, Германии, Финляндии, общая дивергенция, усугубление общения.

(Ученые записки. — 2019. — Том 30. — С. 150–158)

Comparative Characteristics of the Romani Dialects / Subdialects of the Baltic Romani Language Family

Kalinin V.I.

London (Great Britain)

The Baltic Romani linguistic family literature lacks studies of the Romani dialects / subdialects of this language group especially of the dialects of Latvia, Estonia and Poland. The paper presents specific distinctions of dialects and subdialects which were not reflected in research and can cause researchers' difficulties.

The research goal is to track down and define the most typical and important occurrences of divergence within the Baltic Romani language family.

Material and methods. Field work recordings and observations, available publications, analytical description, comparison and overall analysis were the research material.

Findings and their discussion. The analysis and description of the observed points of the further deviation examples showed that the modern political situation between the EU on one side and Belarus and Russia on the other side with a ban on free movement contributes to further linguistic divergence and makes verbal and social misunderstanding in contacts worse between once similar dialects within the Baltic Romani language family.

Conclusion. Due to the setting of state borders between the EU (Lithuania, Latvia and Estonia) on the one hand and Belarus, Russia on the other hand, cessation of learning the Russian language obviously accelerated the process of deviation between close and even identical dialects within the Baltic Romany language family.

Key words. Baltic Roma, tribes / clans / titles, phonetics, lexical ethnic difference, infinitive, divergence in grammar, Sanskrit-Hindu peculiarities, co-tribesmen from Wales, Germany and Finland, overall divergence, worsening of personal contacts.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 30. — P. 150–158)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kalinvaldemar@yahoo.com — В.И. Калинин

Наше исследование не имеет специальной лингвистической задачи, а является языко-ведческим дополнением в нашем стремлении более полно рассказать о цыганах балтийской языковой группы. Этим и определяется основная цель исследования, которое вызвано следующими причинами:

– отсутствием компетентных лингвистических исследований по цыганским диалектам / говорам балтийской языковой группы, в особенности диалектам Латвии, Эстонии и Польши. Отдельные публикации в этой области, время от времени появляющиеся на свет, только усугубляют ситуацию, поскольку чаще всего лишены серьезной языковой базы и не получают признания среди носителей языка, которым такие исследования кажутся опасными. При этом некоторые цыгане насмеются над опрашиваемыми, специально дают самые нелепые ответы на вопросники, в связи с чем подобные исследования оперируют отвлеченными примерами из якобы цыганских диалектов на базе записанных, искусственно смешанных образцов цыганско-нецыганских разговоров;

– несомненной трудностью для возможных исследований в данном направлении выступает и общая «недоговоренность» этнографов о самом феномене балтийских цыган, которых чаще всего огульно отождествляют только с цыганами стран Балтии: Литвы, Латвии и Эстонии. Обычно они упоминаются как цыгане России, Беларуси и только эпизодически Польши, хотя и те, и другие являются представителями балтийской языковой группы;

– заблуждением, возникшим и существующим на западе Европы относительно этнического состава европейских цыган: живущие во всех европейских странах цыгане-кэлдэрари считают себя «единственными цыганами», тогда как на самом деле они представляют только часть европейских цыган. В действительности же, кроме кэлдэрарей, европейские цыгане являются носителями других разнообразных *некэлдэрарских (влашских)* цыганских диалектов и культурно-исторических норм. В нашем случае это цыгане балтийского, немецкого и финского языковых диалектов *агро* (agro – Romani: уэльские *Калэ* (Welsh Cale) и английские *Романичал(в)з* (English Romanichal(v)s);

– необходимостью уточнения информации о цыганских говорах Польши – в современной литературе о цыганах мы не найдем и намека на принципиальное отличие диалекта польских *цыган-плюняков* от других польских ‘низинных цыганских диалектов, а между тем следует говорить о сходстве этого диалекта с диалектом немецких цыган «синти» и «флюков», бывших жителей Восточной Пруссии, предки которых проживают сейчас в ареале Литвы и Калининградской области.

Материал и методы. Материалом послужили полевые записи и наблюдения, имеющиеся публикации, которые подробно представлены в итоговом списке литературы, их описание, сравнение и итоговый анализ.

Результаты и их обсуждение. Мы представляем, что диалекты балтийской цыганской семьи стали появляться после исхода цыган с территории Речи Посполитой.

За исходную точку рассмотрения мы берем цыган Беларуси¹: в силу центрального географического расположения внутри всего ареала проживания цыган балтийской группы, а также в связи с наиболее явным влиянием славянских, балтийских и немецкого языков окружающего населения, среди которого выкристаллизовались группы балтийских цыган. Мы не будем давать полного обзора сходства и различия, но остановимся на тех специфических отличиях диалектов и говоров, которые не были отражены в литературе и могут вызвать затруднения у исследователей и читателей немногочисленной литературы на говорах / языках балтийской языковой семьи цыган (*романэс*).

Внутри самих этих племен (кланов) балто-славянской группы наблюдаются также некоторые незначительные различия в языковом плане. Эти различия объясняются разной степенью влияния окружающих языков, особенно немецкого, польского и русского, а также отличием в плане родового традиционного занятия, которое в свою очередь породило различный уровень отношений с окружающим населением, вылившийся в разный уровень контактов как с представителями цыганского клана, отдельными соплеменниками, так и нецыганскими представителями деловых кругов.

Рассмотрим классификационную таблицу говоров балтийских цыган, которую можно составить на материале анализа цыганских родов и кланов, проживающих в Беларуси как исходной точке в центре функционирования цыганских диалектов балтийской языковой группы, и в сравнении с говорами цыган Польши, Литвы, России, а также Латвии, Эстонии, Калининградской области и балтийских цыган, осевших в северной Украине, Казахстане и Средней Азии, бывших русских цыган из Харбина (Китай).

ФОНЕТИКА

В плане произношения все диалекты можно подразделить на 5 групп:

а) диалекты / говоры с идентичной фонетической системой языку / языкам окружающего населения: польский (*низинно*) – в их произношении даже отсутствуют типичный для всех других балтийских цыганских диалектов, а также белорусского, украинского, словацкого и чешского заднеязычный, фрикативный звук «г», все шипящие, мягкие и т.д.;

б) диалект / говоры, произношение которых частично совпадает с произношением окружающего населения: белорусско-литовский, польско-литовско-белорусский, белорусско-украинский, литовский, прусский, латышский и эстонский диалекты;

¹ Позволим себе повториться, что в широком плане цыган Беларуси можно назвать белорусско-литовскими цыганами, так как в языковом отношении они почти не отличаются от цыган южной и восточной Литвы. Исторически и этнически они связаны с так называемым балто-славянским ареалом, что позволяет употреблять также термин «*балто-славянские цыгане*».

Классификация говоров балтийских цыган

Диалект	Племена (родовые кланы) и их титулы	Место проживания
Северорусский (стандартный письменный с 1926 г.) диалект	Руска (Расейка) Рома; Бобры, Вешытка, Расейцы, Сяки, Сибиряки, Тобояки, Уральцы, Шамхайцы	Россия, Беларусь, Казахстан, Украина, Средняя Азия, Монголия, Китай, страны Балтии
Среднерусский диалект	Руска (Расейка) Рома, Бобры	Брянская, Орловская области России; Черниговская и Сумская области Украины
Польский (низинно) диалект ²	Вармияки, Венгры, Дьяки, Галицыяки, Зависяки, Лешаки, Мартины, Паховяки, Ягеляни	Польша, Литва, Беларусь, Казахстан
Прусский диалект	Пруситка Рома, Плоняки, Флюки	Калининградская область России, Польша, Литва
Южно-балтийский диалект	Гомельцы, Магары, Муканы, Синяки, Чернобыльцы	Беларусь, Украина, Россия
Ливонско-карельский диалект	Рома Ливонцы ³	Санкт-Петербург, Карелия (последние носители вымерли в 1992–1997 гг.)
Литовский диалект	Брази, Бучки, Валюки, Гельбуты, Ежуки, Калуги, Лянки, Литвакирэ Флюки	Калининградская область России, Польша, Литва, Латвия, Беларусь
Латышский диалект	Лотфитка Рома (Чухны): Видзэмяки, Курзэмяки	Латвия, Литва, Эстония, Швеция
Эстонский диалект ⁴	Эстонска Чухны / Лалоритка Рома	Эстония, Латвия, Россия
Белорусско-литовский	Балтруки, Борисы, Берники, Виленцуки, Липенцы, Минчани, Филянты, Пинчуки, Партизаны (Фандари), Чернобыльцы, Прахитка	Север Украины, Беларусь, Литва, Польша
Литовско-польский	Бежанцы, Литовцы, Халадытка из Польши	Литва, Польша, Беларусь

в) диалект / говоры, произношение которых значительно отличается от языков окружающих народов: северорусский и ливонский диалекты. Так, самым употребительным гласным звуком в речи цыган этих диалектов является открытый звук «э» (который отсутствует в русском), а шипящие звуки [х, ц, ш] всегда твердые, отсутствует мягкий «щ» и т.д.;

г) литовские и некоторые польско-литовско-белорусские говоры в словах с позицией -ав(ав): лава / лав произносится: лоўва / лоў, что показывает белорусское влияние;

² Имеются в виду все польские цыгане, кроме представителей диалекта 'Плоняки / Плонь', старшее поколение которых разговаривает так, примерно как немецкие 'Синти'.

³ Последние носители этого диалекта вымерли в конце 1990-х гг., поэтому молодое поколение называет себя или карельскими, или финскими цыганами.

⁴ Исконно эстонские цыгане 'лааусика Рома' были расстреляны эстонскими фашистами в 1941 г. Все современное цыганское население Эстонии – это, как правило, приезжие цыгане «чухна» из Латвии, а также халадытка / фандаритка – цыгане из восточной Латвии, Ленинградской и Псковской областей. Поэтому мы можем говорить о тождественности латышского диалекта «чухно» и эстонского «лалоритко». Последний термин носит просто исторически традиционный характер, поэтому в аспекте языка мы будем употреблять название латышско-эстонский (чухно) диалект.

д) латышский (чухно) и эстонский (лалоритко) диалекты имеют долгие и краткие гласные и ударение, как правило, на первом слоге.

ЛЕКСИКА

В области лексики и словарного запаса можно говорить приблизительно о 71% сходства пласта индо-иранской лексики во всех 10 диалектах балтийской языковой группы *романэс*. Остальной словарный запас представляют в разной пропорции заимствования из греческого, немецкого, польского, русского, белорусского, латышского и других языков. Но каждый диалект имеет свои выражения. Вот они:

– северорусский диалект: *лоло мачхо* (лосось), *патрjри* (портфель), *матрjри* (метрики), *патрjка* (тетрадь), *вастjрька* (сумочка на плечо), *сылтjри* (сундук), *нуклj* (боб), *дандалj* (кукуруза), *кхасjтко* (сеновал), *пхурт* (мельница) и т.д.;

– польский (низинно или низинный): *ciro* (время), *ruk* (дерево), *pherdj* (блузка, свитер), *kambjna* (часы на цепочке), *kjla* (яма, отверстие), *khjltra* (подвал), *te rakhelpe* (встречаться), *pahljyn* (роса), *sygnj* (такси), *fjho* (зверь) и т.д.;

– белорусско-литовский: *труюны́* (юбка), *прастыб-ны́тко* (машина), *традуны́* (такси), *санэ-гэры́тка* (носки), *кхуды́* (сеть для ловли), *морды́* (швабра), *паясли́* (лодка / паром), *ризи́л* (пила), *чхурны́* (коса *инструм.*) и т.д.;

– польско-литовский: *kuri* (ковёр), *te javel de stac* (мочь, быть в состоянии), *brifo* (доверенность), *fuksa* (ножовка) и т.д.;

– прусский: *skamús* (стул), *fiho* (зверь), *mólno* (дорогой), *gorhófa* (кладбище) и т.д.;

– белорусско-украинский: *фирла́го* (бурак), *мохто́* (чемодан), *кхудо́* (корзина), *му́рсы* (кладбище), *ко́нко* (колышек), *кло́пи* (веснушки), *баху́рка* (ласточка) и т.д.;

– ливонский: *хич* (сковорода), *кунь* (час), *вирингли* (семена), *ва́хта* (час, время), *мулыкано́* (гроб), *бэшадэ́* (валюта) и т.д.;

– латышский (чухно): *saiķ* (всегда), *vágo* (до того, раньше), *nin* (также), *namírja* (налог, подать) и т.д.;

– эстонский (лалоритко): *kúgo* (корабль), *barkán* (томат), *gindlý* (книга) и т.д.;

– литовский: *korig* (поздно), *duvá* (молитва), *féni* (только), *stéčka* (очередь), *dávato* (монах / монахиня), *kolón* (дворец), *džip* (остров) и т.д.

Следует обратить внимание на разницу в религиозной лексике. Так, выражение **молиться Богу** польские цыгане передают как *тэ мангэспэ Дэвлэскэ* (дат. падеж), другие используют только форму «*тэ мангэс Дэвлэс*» (род. падеж досл.: «молить Бога») – это, как правило, цыгане России, Беларуси и Латвии.

Католики называют свой костел «*khangiri*», а православный храм «*цэрква*», православные же чаще называют эти культовые здания одним словом «*кхангирі*». Более того, одним словом они обозначают и сооружения других религий (магометанской, индуистской).

Классово-этнические различия имеются в значении и этническом отношении к специфическому значению некоторых слов. Так, слово *халадо́* (солдат) в сознании северорусских цыган сразу приводит к производному слову *халадыбэн* (армия, войско), в то время как уже в говорах Беларуси это слово приобретает два значения: *солдат* и *старообрядец – русский*.

Но если мы продвинемся дальше в страны Балтии и Польшу, это же слово *халадо* уже означает или *полицейский*, или любой *русский человек*, а также **всякий человек** из бывшего СССР среди местных цыган.

Выражение **выйти замуж** вызывает некоторое непонимание и смех среди цыган вышеупомянутых народов. Так, в России и Беларуси местные цыгане используют выражение *тэ джас палором*, дословный перевод которого означает *идти сзади мужа*; у латышских цыган это выражение *тэ джас пал ромэстэ*, дословный перевод – *следовать (идти) за мужем (цыганом)*. Для вышеупомянутых групп цыган бывшего Советского Союза это же выражение из уст польских цыган *тэ лэл ромэс (te lel romes)* (дословно *взять мужа*) вызывает усмешку и недоумение.

Интерес представляет пестрое расхождение в выражении «быть/являться/становиться кем-то», «работать

в качестве...». Так, носители северорусского цыганского диалекта, представители некоторых поддиалектов белорусско-литовского диалекта используют инструментальный падеж: «мэ сомас пхурэдырэса» (Я был боссом). Цыгане, говорящие на поддиалектах польского (*низинно*) диалекта, некоторых поддиалектов белорусско-литовского диалекта и литовского диалекта, как правило, употребляют именительный падеж: «мэ сомас пхурэдыро». Носители латышско-эстонского диалекта «чухно» и некоторые цыгане из польского (*низинно*) диалекта используют дательный падеж: «мэ сомас пхурэдырэскэ».

Удивление и смех вызывают и другие глаголы: **бе-жасть** (*тэ прастас / тэ нашэс*), **течь** (*тэ пхадэл / тэ нашэл*), **есть сполна** (*тэ подхас / тэ хал чалэс*), **идти** (о фильме, концерте) – (*тэ джал / тэ нашэл*), **лететь** (*тэ урняс / тэ фрувинэл*), **встречаться** (*тэ дыкхэспэ / тэ ракхэлэ*), **нравиться** (*тэ явэл пир ило, тэ камэл / тэ волинэл*), **запрягать** (*тэ дэс андрэ / тэ урьел грэс* – досл.: **одевать коня**), **раздеваться** (*тэ росчхувэспэ, тэ розурьспэ / тэ сурьес урибэн*), **двигаться** (*тэ кхарэспэ / тэ рушэнэлэ*), **ругаться** (*тэ кошэспэ / тэ чингардэспэ*), **ставить** (*тэ чхувэс / тэ тховэл*), **жить** (*мэ дживэс / тэ бэшэл* – досл. «сидеть»), **ткать** (*тэ курэс*) и т.д. Все эти слова вызывают различную реакцию у разных представителей.

Также следует упомянуть и этическое расхождение в употреблении отдельных существительных и производных от них прилагательных: *хив / хев* (дыра / нора), *биб́и* (тетя), *бэнг / нэлачхо* (дьявол), *дзар* (шерсть на животных), *драб* (лекарство / наркотик), *пхурдыны́ (-и)* (поезд / машина / астматик), *бузно* (козел / еж, нецыган), *джужэл* (собака / полицейский), *ди* (душа / сердце / живот), *вуралі́* (железная дорога / машина / поезд / вагон), *пэгэнд* (орех / пуля / дробь), *кирál* (творог / сыр / тайна), *якх* (глаз / очко / свидетель / бусинка алмазная) и т.д.

Наблюдается различие и в употреблении выражения **стоит, сколько стоит**. В большинстве диалектов используется выражение «исын мол» (стоит) и производное «кицы мол» (сколько стоит) во всех диалектах, кроме польского: вот как здесь звучит: *kicy kerél?* (досл.: «сколько составляет, сколько стоит?»).

Существует довольно пестрая картина при обозначении времени и понятия **час**. Так, говоры русского диалекта применяют слово *кашт* (палка, дерево) или *мардо* (пробитый, рубль). Полное же выражение **сколько времени** звучит так: *Кицы кашта́ (мардэ) исын? / Кицы часы исын аканá?*

В белорусско-литовском диалекте используются как цыганские слова *кашт*, *мардо*, так и заимствование из немецкого *штунда (штундя)*. Полное выражение **сколько времени**: *ці бут исын акана? – Ці бут часо (часы) исын аканá (какана)? – Кицы часо (цýро) исын аканá?*

Немногочисленные носители ливонского диалекта выражают данный вопрос тремя путями: *Кицы куня (тундры) исын акана? – Саво цýро исын акана? – Сави ва́хта исын акана?*

В польских поддиалектах это выражение звучит так: *Kicy ciro isy akana? – Kicy štundy (hodini) isy akana?*

Носители литовского диалекта спрашивают время так: *Ci but vriemĩa isy akana? – Kici ėasy isy akana? – Kicy vahta isy?* (лит. *флюки*).

В латышско-эстонском диалекте этот вопрос выражается следующим образом: *Kicy (k) zvonos isy (n) akana? – Isy (n) but zvonos?*

ГРАММАТИКА

Шесть говоров (поддиалектов) – северорусский (*расейко*), польский (*низинно*), белорусско-литовский (*балто-славянский*), польско-литовский (*халадытко*), литовский и латышский (*чухно*) – **более или менее различаются в грамматическом плане.**

Четыре говора (поддиалекта) – прусский, южно-балтийский, ливонский, эстонский – отличаются фонетически и лексически от своих соседей и имеют титулы, скорее всего, **историко-консервативного плана.**

Настоящее время

Все диалекты балтийской группы можно разделить по этому признаку на три группы.

1 группа состоит только из корневой основы (*мэ кэрав, мэ совав, мэ хав*): польский, прусский, южно-балтийский, литовский и некоторые носители польско-литовско-белорусского диалекта;

2 группа с суффиксом *-а*: *мэ кэрава, мэ совава, мэ хава*; все поддиалекты северорусского (*расейко*) диалекта, латышского и некоторые поддиалекты белорусско-литовского (*балто-славянского*);

3 группа (смешанного типа): *латышские диалекты* и некоторые поддиалекты белорусско-литовского (*балто-славянского*): *мэ кэрав* и *мэ кэрава*.

Хотя следует заметить, что форма «*мэ кэрав*» приобретает всё большее значение настоящего времени с эмфатической окраской.

Литовские же диалекты в первом лице имеют специфическую форму: *мэ кэрбу (те кербу)*.

Будущее время

Сложившиеся определенные различия в плане образования будущего времени:

а) огоддиалекты Беларуси и Латвии используют глаголы «*тэ лэс*» («*брать*») или *тэ огомэ лава тэ кэрав (тэ кэрэл), мэ явава тэ кэрэв (тэ кэрэл)*;

б) синтаксический при помощи окончания *-а*: *Мэ кэрава* (Польша и литовские диалекты). Но латышско-эстонский диалект «*чухно*» в первом лице имеет специфическую, краткую форму *текерā*.

В сфере **глаголов с префиксами** все десять диалектов (говоров) можно подразделить на три главные группы:

– восточные – с русско-белорусской префиксацией **при, пири, пира**: белорусско-литовский, белорусско-украинский и северорусский диалекты;

– западные – с польской префиксацией **prze, pŕe (пшэ)** во всех позициях: польский (низинно), польско-литовско-белорусский (*халадытко*) в Польше и Литве, литовский диалекты;

– северные – со смешанной префиксацией: балтийской **aiz, at, nu**; балтийской и русско-белорусской

префиксацией: **при, nu**; латышско-эстонский (*чухно*), *фандаритко* (Латвии и Эстонии) и некоторые говоры литовско-латышского пограничья.

Встречается несколько различий в **родовом** оформлении существительных. Так, слова «вода» (пани), «язык» (чиб) в большинстве диалектов мужского и женского рода. Цыгане Польши употребляют эти слова в мужском роде.

Образование множественного числа некоторых существительных **женского рода** также различается внутри диалектов. Так, цыгане России и Беларуси произносят «дар» (дара), «чиб» (чиба), а в польских диалектах эти же существительные во множественном произносятся так: «дарья», «чибья».

В **притяжательных** местоимениях и словах латышско-эстонского «*чухно*» диалекта и некоторых говоров польского диалекта используются в отличие от других диалектов сокращенные формы: *дадэску кхэр, мамняки чхай*. В диалектах северорусского, польско-литовско-белорусского, белорусско-украинского и белорусско-литовского диалектов произносятся полные формы: *дадэскиро кхэр, мамнякири чхай*.

В относительных местоимениях большинства диалектов применяются формы: *вару-саво (вару-саву) – саво/у – вари-сави, вару-савэ(савэ)*.

В говорах польского диалекта роль относительного местоимения иногда подменяется универсальным словом **кай / kaj**. Пример: «*-me dykhióm dalé ĉhavés, kaj phendia mange*».

Прилагательные в именительном падеже в латышско-эстонском «*чухно*» диалекте имеют окончание «**и**»: *baru, tiknu*.

В области **инфинитива** мы можем выделить три различные группы:

– северная (латышско-эстонская) «*чухно*» группа и северорусские цыгане имеют управляемый по лицам инфинитив: *ту камэса тэ джэс / ту камеса те джэс*;

– западная (диалекты Литвы и Польши) используют форму третьего лица как инфинитив: *ту камэс тэ джал (ту каместе джал)*;

– средняя: некоторые группы белорусских цыган на пограничье Беларусь–Украина, русские цыгане северо-восточной Украины применяют семантический корень глаголов: *ту камэс / ат е джа (ту камес / а те джа)*.

В плане **глагольно-временном** только латышский (*чухно*) и северорусский диалекты сохранили все временные оттенки, в том числе аорист и имперфект в прошедшем времени. Отсутствуют формы аориста в большинстве говоров польского (*низинно*) диалекта, используется продолженно-сослагательная форма имперфекта: *те ракирэвас* (я говорил), *те расирэвас* (я верил) и т.д. Но эта же самая форма имперфекта отсутствует в говорах белорусско-литовского (*балто-славянского*) диалекта, а применяется аорист: *те ракирдиом* (я говорил), *те расиادیюм* (я верил).

Все диалекты балтийской языковой семьи используют в **вопросительном предложении** союз «**сб**» (**что**),

а большинство носителей польского (*низинно*) диалекта произносят этот союз «хó» (**cho**).

В области **стилистики** можно определить общность для трех групп:

а) восточная – белорусско-литовский, северорусский, литовский диалекты, употребляющие, как правило, русско-белорусскую структуру;

б) западная – польский (*низинно*), польско-литовско-белорусский (*халадытко*);

в) северная – латышский (*чўхно*) и эстонский (*лалоритко*) диалекты.

Диалекты / говоры цыган балтийской языковой группы могут также дифференцироваться еще по одному лингвистическому признаку – наличию или отсутствию **личностного управления притяжательной частицы -ся (-пэ)**. Так, в латышско-эстонских диалектах / говорах «чухно», а также некоторых поддиалектах польских цыган эти частицы имеют личностные окончания. Например: *пхучав ман* (я спрашиваю), *пхучэс тут* (ты спрашиваешь). Во всех других диалектах балтийской группы используется **неизменяемая притяжательная частица «-ся» (-пэ)**.

Диалекты «чухно» и некоторые поддиалекты польских цыган также сходны и по признаку формирования **местного падежа (о ком? о чем?)**. Так, латышско-эстонский и некоторые польские говоры употребляют форму отглагольного инструментального падежа: *пхэнава лэстыр* (дословно – скажу от него). Диалекты же северорусский, польско-литовский, белорусско-литовский, литовский, южно-балтийский и ливонский либо предлог «тал», либо «ваиш»: *пхэнава пал лэстэ* (дословно – скажу за него).

Следует отметить, что балтийские диалекты можно разделить по признаку **образования цели (для чего? с какой целью?)**. Так, восточная группа (северорусский, белорусско-литовский, литовский, латышский и эстонский диалекты) использует «*соб (собы) / каб*», а западная (польские диалекты и польско-литовско-белорусский диалект) – общепринятое цыганское выражение «*кай (kaj)*».

Другой пример конвергенции базируется на выражении «играть роль, кого-то имитировать». Так, северорусский диалект и некоторые поддиалекты белорусско-литовского применяют инструментальный падеж *ёв кэрдя пэс пхурьдэрэса*, другие же поддиалекты белорусско-литовского используют винительный падеж: *ёв кэрдя пэс пхурьдэрэс*.

Представители же латышско-эстонского диалекта «чухно» употребляют дательный падеж: *ёв кэрдя пэс пхурьдэрэскэ*.

В области **синтаксиса** большинство диалектов балтийской группы используют отрицательную частицу «на / над», *ничы / нисо*, в то время как в некоторых говорах польского диалекта применяют отрицательные «мат/ма» (*ma*) и «чи» (*ci*) – эти формы ближе к санскриту/хинди – ‘*ma/mat*’ и ‘*nahi*’: **на джа кокоро / ма джа кокоро > don't go by yourself**>.

При выражении **утверждения «да»** диалекты балтийской группы имеют довольно разные формы выражения согласия: северорусский – *аи*, польский – *ува (ula)*, белорусско-литовский, литовский, белорусско-украинский – *ны/нэ* (с нисходящей интонацией), латышско-эстонский диалект «чўхно» – *ами (ami)*, *ва (va)*.

Наречия

В значении «**куда**» говоры цыган Беларуси и северорусские диалекты используют слово «*карик*» в значении «**куда**», в то время как у цыган Польши и Латвии это наречие «*карик*» означает «**откуда**» или выражение «о ком», «о чём». А направление «**куда**» переводится наречием «*кай*» (**где?**), а слово «**откуда**» в белорусско-литовском диалекте звучит как «*кацир*» (*kasir*).

Модальные глаголы / Сослагательное наклонение

Все говоры / диалекты балтийской языковой семьи можно разделить на 4 группы в плане использования цыганами заимствованных и смешанных форм модальных глаголов. Они показывают **отношение говорящего к действию и оценивают его**.

В первую группу мы отнесем все варианты модальных выражений, показывающие **возможность, усиленность, вероятность быть в состоянии что-либо делать**. Наиболее универсальным является выражение *тэ дэс рáда (te des ráda)*, употребляющееся во всех диалектах.

В *северорусском* диалекте используется видоизмененный глагол «**мочь**»: *ту могоинэса*. В диалекте белорусско-литовском мы уже находим еще два способа передачи этого смысла: *ту могоинэса / ту можынэса; тўкэ сын пир зор* (досл. тебе по силам).

Литовские говоры применяют комбинированное выражение: санскр. корень *ашты / асты* + цыганское окончание по лицу: *ту саштынэс / а*. Латышско-эстонский диалект «чухно» употребляет похожую форму – *tu vaštuvés / a*.

Некоторые говоры польского (*низинно*) диалекта употребляют выражение с глаголом «**быть**»: *тэ явлэ (te yavel)* + заимств. слово «стать» (*stac*) – *te javel de (dre) stac*.

Есть небольшие различия и в формировании сослагательного наклонения для выражения **возможности пожелания**: носители северорусского, белорусско-литовского, литовского, латышско-эстонского диалектов используют заимствованную белорусскую кальку «**калі**» – *коли: коли ту явэса* (если ты придешь); иногда просто применяется русское «**если**», латышское «**ja**» в латышско-эстонском или польском «*jeżeli*».

Старшее поколение польского (*низинно*) диалекта оформляет это явление по-цыгански *so / ho / cho* (что); *so tu javesa* (дословно: что [если] ты придешь). При большей степени **вероятности** используется глагольная форма сослагательного наклонения «*javjanas tu*».

Менее эмфатическая форма применяет просто инфинитив в этом значении «**te javes tu...**» (пришел бы ты...).

В значении **разрешения, дозволения, невозбранения, позволения** картина в диалектах балтийской семьи более пестрая.

Так, в говорах польского (*низинно*) диалекта используется заимствование из немецкого «frej» (**можно, позволено**): *mange frej te džal* (мне позволено идти).

Другие диалекты применяют различные фонетически-локальные формы краткого прилагательного санскритского корня – *ashti* (**возможность, позволение**): *sašty / ašty / hašty / vašty* (белорусско-литовский, литовский, северорусский, ливонцы, латышско-эстонский диалект «чухно»). Например:

mánzэ сашты тэ джав / тэ джой – б/л;
mángxie sašty te džou / te džal – лит.;
mánzэ ашты / гашты тэ джав – русск. / ливон.;
me vašty te džav – лат. / эст. чухно.

Для передачи смысла **необходимость, долженствование, потребность ... следует ... вынужден** используются краткие прилагательные, заимствованные из белорусского и польского языков в значении **нужно, надо, нужно**: *трэби, трэй, чеба / чеби / чеб*.

В белорусско-литовском и русском диалектах местоимения должны быть в дательном падеже: выражение *манзэ трэй (трэби)* (досл. «мне нужно»), а в латышско-эстонском и польском диалектах употребляется с местоимением в именительном падеже *те чеби / те чеб /, те / mange tszczeba te džal* (польск. (*низ.*) диалект).

В этом же значении используют во всех диалектах, кроме польского, и производные глаголы от этих же корней: *мэ трэбинова, те чебиса*.

В белорусско-литовском и польском диалектах применяется заимствованный из польского производный глагол от «*musieć*»: *мэ мусинав / а* (бел.-лит. **я должен**): *те мусинав* (польск.), *те мусиноу* (лит.)

В польском диалекте также используется для выражения **крайней необходимости, обязанности** конструкция с выражением «*быть (тэ явл / те jawel)*», которая склоняется: *те сом те džal* (**мне необходимо идти**).

В русском же диалекте применяется прилагательная конструкция, образованная от прилагательного

банго / банги (виноват/-а; кривой/-ая): *мэ сом банго/и тэ джав (я обязан идти)*.

Существует различие и в образовании местоимения **каждый/-я**. Так, в литовском и латышско-эстонском диалектах это слово переводится заимствованием из сербско-хорватского *svako/sako*, а во всех остальных диалектах употребляется выражение, заимствованное из языков окружающих народов: *кажно / каждо; kažno / kažno (wszelko)*.

Определенный интерес представляют образование и употребление союза **потому что** в придаточных предложениях следствия.

Так, русский, белорусско-литовский, белорусско-украинский и литовский диалекты используют кальку из русского языка «*нал-дова со/нал-дова кай*». Носители польского (*низинно*) диалекта употребляют комбинированный предлог «*daleske kaj*»: изм. слова «*dava*» – «*daleske*» (дат. падеж) по аналогии с польским «*dlategoże*». Цыгане латышско-эстонского диалекта «чухно» оформляют это явление так: *vaš(o) odova, sir (ki)*.

При образовании **превосходной степени** прилагательных используется два способа: при помощи слова **само (самый / самая)** – *само баро (бари), само тыкно (тыкны)*; с частицей «*най*» – *най барэдыр, най тыкнэдыр*.

В цыганском предложении порядок слов свободный, он меняется в зависимости от логического ударения и личностного подхода к фразе.

Неопределенные формы от местоимений, прилагательных, союзов, наречий (кто-то, какой-то, где-то, что-то) образуются двумя путями:

1. Так, в русском, литовском, белорусско-литовском, белорусско-украинском и ливонском они формируются при помощи слова *вари (vari)*: *вари-кон, вари-саво, вари-кай, вари-со*.

2. В говорах польского (*низинно*), некоторых носителей латышско-литовского диалекта (*чухно*) при-

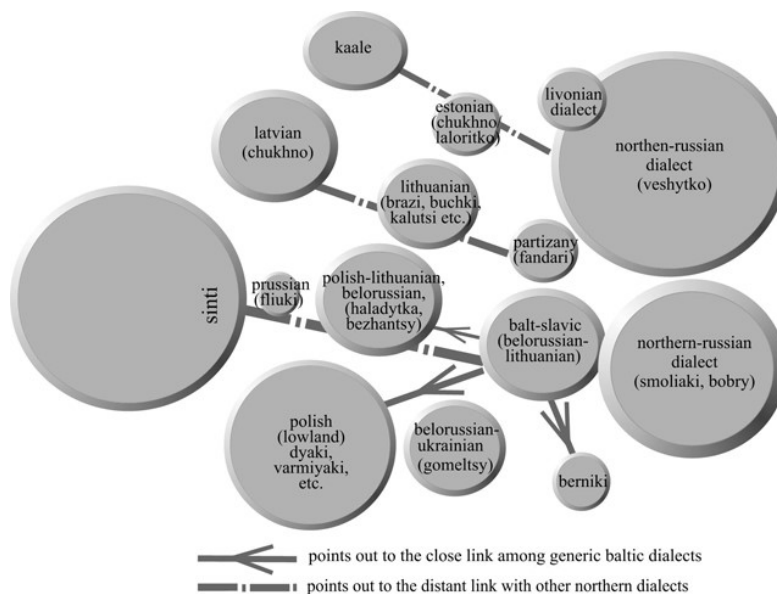

Рис. 1. Балтийские и близкородственные им диалекты цыганского языка

Рис. 2. Общая картина цыганских диалектов и поддиалектов Европы

меняются в тех же случаях слово *били* (*bili*): *bili-кон*, *bili-savo (-i)*, *bili-kaj*, *bili-so (bili-ho)*.

В польском (*низинно*) диалекте применяются только отрицательные выражения производной фразы «**нельзя, не могу, не в состоянии**»: *me naszty te...* В утвердительной форме «**могу, можно, умею**» используется славянское заимствование: «*me moginav*» или выражение «*me džinav*» во всех перечисленных оттенках сослагательного наклонения.

Артикли *o/э* употребляются, как правило, в эмпатическом значении во всех диалектах.

Отрицательное местоимение «**ничто, ничего**» только в польском (*низинно*) диалекте сохранило санскритско-индустскую форму «*chi*»: *me na moginav ci (či)*. Во всех остальных диалектах применяется комбинированное слово **ничти**: **ни** – славянский союз + за-

имствованное из санскрита «*chi*»: *me na moginou niči* (лит. диалект), *mэ на могонав/а ничы* (бел.-лит. диалект). Иногда в том же значении используется также комбинированное слово «*нисо*»: *ни + со*.

Представим наглядно и схематично то, о чем мы говорили: рис. 1.

Заключение. Соотношение величин окружностей, указывающих на диалекты, отвечает соотношению количества говорящих на диалекте. Расстояние между окружностями определяет близость / дальность родства между диалектами (говорами). За исходный берется балто-славянский, поставленный нами в центр схемы.

Между цыганами балтийской языковой группы существуют стабильные лингвистические и экстралингвистические контакты, как и с цыганами соседних ареалов государств – Украины и Молдовы, в меньшей

степени с цыганами «синти» из Германии, Голландии, а также с цыганами «каалэ» из Финляндии.

Появились после распада СССР между ЕС и Беларусью, Россией границы, которые нарушили взаимодействие цыган балтийской группы.

Для более ясного определения процессов конвергенции цыганских диалектов (заметим, что в настоящее время подобная конвергенция приостановлена) очень важно показать взаимное соседство различных диалектов и говоров одной семьи на карте (рис. 2).

Так выглядит соседство балтийских цыган с другими единоплеменниками, как и с представителями других этнических и языковых групп – финской, немецкой, карпатской, украинской, власской и балканской. Это разделение, разумеется, достаточно условно и взаимно перекрывает политические границы государств.

Что же важнее: территориальное проживание, влияние языка или же самоопределение? Скорее всего, важен жизненный уклад, более или менее подобный и приближенный к типичному для окружающих народов укладу или противоположный?

Если сравнить историю жизни *балтийских* цыган с их соплеменниками из *Финляндии*, *Уэльса* или *Германии*, можно отметить два сходных явления: для мужчин основным занятием было выращивание коней⁵ и торговля ими, в то время как в других семьях (в лашской, балканской, армянской) основным было какое-нибудь ремесло (лужение, плетение, гончарное дело, кузнечное ремесло). И музыка была и остается любительской, исполняется на скрипке и гитаре, аккордеоне и гитаре. Но вот, скажем, для многих цыган Венгрии, для цыган Чехии и Словакии или украинских «сэрвов» музыка являлась и является основным источником доходов. Это позволяет сделать вывод об общей прародительской истории цыган стран Балтии, России, Германии, Финляндии и Уэльса. Причем их появление в конце XV – начале XVI века в вышеназванных странах явственно происходило через период проживания на территории Германии, перед тем, когда вышло антицыганское законодательство в 1497 году.

Следует также упомянуть роль непродолжительного по времени (1925–1938) периода Цыганского просвещения (Ромского Ренессанса), когда северорусский диалект играл роль стандартного, межгруппового языка как в общении, так и в образовании, литературе и на сцене для цыган бывшего СССР и до наших дней.

История пошла по-своему: Берлинская стена была разрушена, СССР завершил свое существование. Новые государства: Литва, Латвия и Эстония – спешно установили границы, прекратив свободное перемещение и общение. Помощь русского языка сгладилась.

Подробное исследование возрастающих примеров непонимания между родственниками молодого

поколения цыган, оказавшихся в разных государствах (в нашем случае цыгане ‘литовцы / литовска Рома’ в Литве и Беларуси), позволяет выдвинуть гипотезу о формировании разных микроэтносов из бывшего одного диалекта в течение этих прошедших 28 лет [1–22].

Литература

1. Sergievski, M. Cyganski jazyk / M. Sergievski. – M.: Central’noje Izdatel’stvo Narodov SSSR, 1931.
2. Ariste, P. Supplementary review concerning the Baltic Gypsies and their dialect / P. Ariste // Journal GLS. – 1964. – Vol. 43. – P. 58–61.
3. Kochanowski, Vania de Gila (Vania, Van’ka Petrov) Some notices on the Gypsies of Latvia / Vania de Gila Kochanowski (Vania, Van’ka Petrov) // JGLS. – 1946. – Vol. 25. – P. 34–38.
4. Matras, Y. Romani A Linguistic Introduction / Y. Matras. – Cambridge, 2008.
5. Rusakov, A. North Russian dialect: Interference in case system / A. Rusakov, O. Abramenko // Grazer Linguistische Studies. – 1998. – Vol. 50. – P. 109–133.
6. Manuss, L. Ciganu-latviesu-anglu etimologiska vardnica unlatviesu-ciganu vardnica / L. Manuss, J. Neilands and K. Rudevics. – Riga: Zvaigzne ABC, 1997.
7. Manuss, L. Romani chib abeca / L. Manuss. – Riga: Spiriditis, 1996.
8. Wentzel, T. Die Ziguenersprache (Nordrussischer Dialekt) / T. Wentzel. – Leipzig: Enzyklopadie, 1980.
9. Ventcel’, T. Dialekty cyganskogo jazyka / T. Ventcel’, L. Cerenkov // Yazyki narodov Azii i Afriki. – M.: Nauka, 1976. – P. 283–332.
10. Miklosich, F. Über die Mundarten and Wanderungen der Zigeuner Europas X–XII / F. Miklosich. – Vienna: Karl Gerols’s Sohn, 1872–1880.
11. Tihovska, I. Ista Ciganu Muzika Autentiskums un etniskums / I. Tihovska. – Riga, 2016/2017.
12. Shapoval, V. Samouchitel’ cyganskogo jazyka / V. Shapoval. – M., 2007.
13. Kalinin, V. Zagadki Baltijskih Cygan / V. Kalinin. – Minsk: Logvinov press, 2005.
14. Kalinin, V. Belarus-Lithuanian (Balt-Slavic) dialect of Romani / V. Kalinin // 8th International Conference on Romani Linguistics, Russian Academy of Science. – Spb., 2008. – P. 40–41.
15. Ficowski, J. The Gypsies in Poland / J. Ficowski // Journal of GLS. – 1950. – Vol. 29, № 3–4. – P. 49.
16. Kalinin, V. Belaruskija cygany / V. Kalinin. – Minsk, 1990.
17. Kalinin, V. The Baltic Roma / V. Kalinin. – Aubervilliers, 1999.
18. Kalinin, V. Peculiarities in the functioning of the Baltic Romani dialects under the conditions of bilingualism and monolingualism in Eastern Europe / V. Kalinin // The 5th International Conference on Romani Linguistics. – Sofia, 2000.
19. Kalinin, V. БИБЛИЯПэ Балтитко Романи чиб (Романэс) = BIBLIJA, Baltic Romani Language / V. Kalinin. – Minsk: PRINTCORP, 2014.
20. Rishi, W.R. (Senior). Multilingual Romani Dictionary (Romani/English/Hindi/Russian) / W.R. Rishi (Senior). – India Chandigarh: Roma Publications, 1997.
21. Loya, J.V. O dialektie latyshskih cygan / J.V. Loya // Yazyki narodov Azii i Afriki. – M.: Nauka, 1976.
22. Vasilievski, N. Tsygansko-russkiy-slovar’ / N. Vasilievski. – Kaliningrad, 2013.

⁵ Допустимо говорить об удивительном родстве понятий и лексического объема словаря, относящемся к занятию лошадьми.